

Для цитирования: Мухаметов, Р. С.
Оценка влияния добычи
углеводородного сырья
на представительство женщин
в экономике и в парламентах
субъектов Российской Федерации:
тестирование гипотезы М. Росса /
Р. С. Мухаметов // Социум и власть. — 2023. —
№ 3 (97). — С. 30—39. —
DOI 10.22394/1996-0522-2023-3-30-39. —
EDN VHLNXXF

УДК 328.182

EDN VHLNXXF

DOI 10.22394/1996-0522-2023-3-30-39

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ ДОБЫЧИ УГЛЕВОДОРОДНОГО СЫРЬЯ НА ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ЖЕНЩИН В ЭКОНОМИКЕ И В ПАРЛАМЕНТА СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ТЕСТИРОВАНИЕ ГИПОТЕЗЫ М. РОССА

Мухаметов Руслан Салихович,
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
доцент кафедры политических наук,
кандидат политических наук, доцент.
Екатеринбург, Россия.
ORCID: 0000-0002-5175-8300
E-mail: muhametov.ru@mail.ru

Аннотация

Введение. В научной литературе отмечается, что в странах, имеющих значительные доходы от добычи нефти и газа, наблюдается меньший экономический рост. Этот парадокс получил название «ресурсное проклятие». Изобилие углеводородов, с одной стороны, позволяет без особых усилий формировать госбюджет, а с другой — отрицательным образом влияет на внутривнутриполитическую обстановку: ухудшает качество государственного управления, сохраняет авторитарное правление и коррупцию. Наличие подобных природных ресурсов значительно увеличивает угрозу вооруженного конфликта, гражданской войны. М. Росс заявил, что нефтяное и газовое богатство страны, кроме того, не позволяет женщинам иметь полноценное представительство в когорте официальной рабочей силы и снижает их политическое влияние. Его аргументация основана на трех

утверждениях: в странах с низким и средним уровнем дохода женщины обычно устраиваются на низкооплачиваемые фабрики, ориентированные на экспорт; сохранение этих рабочих мест может расширить возможности самореализации женщин в социальном и политическом плане; наличие в государстве значительных запасов нефти (или других полезных ископаемых) делает такие традиционные отрасли индустриальной промышленности убыточными и, в более широком смысле, не поощряет женщин работать вне дома. В результате углеводородное богатство в странах с низким и средним уровнем дохода, как правило, закрывает важный путь к гендерному равенству.

Цель. Цель данной работы состоит в проверке гипотезы М. Росса. Автор стремится получить ответ на следующий исследовательский вопрос: какое воздействие оказывают углеводороды на уровень представительства женщин в рабочей силе и депутатские корпуса legislatures субъектов РФ? Имеет ли место быть в России «гендерное ресурсное проклятие»?

Методы. Методом анализа данных стал регрессионный анализ. Источник информации для панельных данных — данные Росстата.

Научная новизна исследования. Настоящее исследование вносит вклад в академические дебаты, посвященные факторам представленности женщин в политике и экономической сфере.

Результаты. Проведенное исследование показало, что тезис М. Росса о «нефтяном патриархате» и «гендерной голландской болезни» на статистических данных субъектов РФ не прошел эмпирическую проверку.

Выводы. Автор обозначил несколько объяснений такому результату. Показано, что это обусловлено разницей в операционализации независимой переменной. Во-вторых, анализ проводится на субнациональном уровне. Наконец, имеет место воздействие социокультурных факторов.

Ключевые слова:

гендер,
женщины,
парламент,
«ресурсное проклятие»,
углеводороды,
гендерная политология

Введение

В научной литературе отмечается, что в странах со значительными доходами от нефти и других природных ресурсов часто наблюдается меньший экономический рост и больше социальных проблем, чем в менее экономически развитых государствах. Этот парадокс получил название «ресурсное проклятие». Речь идет о негативном влиянии избытка нефти и газа на долгосрочный и устойчивый экономический рост для стран-экспортеров нефти [6]. Данный термин был введен в оборот Ричардом Оти в 1993 г. [9]. Тезис о ресурсном проклятии предполагает, что страны с высокой зависимостью от природных ресурсов страдают от негативных макроэкономических последствий [1]. Основой аргумента состоит в том, что приток доходов от экспорта природных ресурсов может привести к так называемому феномену «голландской болезни», т. е. повышению обменного курса валюты страны, что может способствовать сокращению экспорта сельскохозяйственных и промышленных товаров [3]. Большие запасы углеводородов не только оказывают заметное негативное воздействие на структуру экономики и экономическое развитие, но и могут отрицательным образом влиять на внутривнутриполитическую обстановку. Это обусловлено тем, что приток доходов от продажи ресурсов может подорвать надлежащее государственное управление и качество политико-экономических институтов: правительства в богатых ресурсами странах имеют больше стимулов сосредотачивать свои усилия для получения ресурсной ренты и на покровительстве по отношению к гражданам, чтобы подкупить политических сторонников с целью сохранения власти, а не на поощрении создания богатства путем улучшения качества общественных институтов [23]. Исследователи полагают, что богатство, получаемое от природных ресурсов, влияет на политическое выживание в авторитарных режимах, оно является определяющим фактором для продолжительности пребывания политического руководства на своих должностях. Избыток ресурсов порождает зависимость государственного бюджета от налоговых поступлений от них и роялти от ренты за природные ресурсы [7; 8]. Эмпирические данные убедительно свидетельствуют о том, что наличие природных ресурсов значительно увеличивает угрозу вооруженного конфликта и гражданской войны [12]. Необходимо отметить, что «ресурсное проклятие» характерно для государств с «плохим

правлением» («Bad Governance»), которое «цементирует» или даже усиливает низкое качество государственного управления. После формирования «достойного правления» («Good Governance»), которое можно видеть, например, в Норвегии, открытие и добыча углеводородов (нефти в Северном море) уже не оказывают негативного эффекта на экономику и политику.

За последние несколько десятилетий стало очевидным, что богатство природных ресурсов подрывает макроэкономические показатели, ослабляет политические институты и перспективы демократического правления. В дополнение к этому списку проблем М. Росс предположил, что богатство ресурсами также подрывает экономическое и политическое влияние женщин. Он стал первым, кто обнаружил отрицательную корреляцию между добычей нефти и представительностью женщин в рабочей силе и политике стран Ближнего Востока и Северной Африки [20]. За это открытие М. Росс в 2009 г. получил премию Хайнца Эйлау (the Heinz Eulau Prize). Данная работа породила значительную последующую литературу, послужила основой для большого объема исследований [14; 15; 17]. Необходимо отметить, что абсолютное большинство трудов, во-первых, носили межстрановой характер, во-вторых, не затронули Россию в качестве объекта изучения. В этой связи настоящая статья стремится заполнить имеющийся вакуум и устранить имеющиеся научные пробелы. Россия по доказанным запасам нефти занимает шестое место в мире с 107,8 млрд баррелей, уступая Венесуэле (303,8), Саудовской Аравии (297,5), Канаде (168,1), Ирану (157,8) и Ираку (145), но опережая Кувейт, ОАЭ и США¹. Исходя из понимания, что субъекты РФ (группы регионов) отличаются между собой природой и климатом, культурой и традициями, этническим составом и конфессиональной принадлежностью жителей, а также распределением полезных ископаемых, изучение субнационального уровня носит приоритетный характер. Таким образом, можно сформулировать исследовательский вопрос: какое воздействие оказывает добыча углеводородов на уровень представительства женщин в рабочей силе и депутатском корпусе легислатур субъектов РФ? Имеет ли место быть «гендерное нефтяное проклятие»? Целью настоящего исследования является выявление факта взаимосвязи запасов и

¹ Мировые запасы нефти. URL: <http://global-finances.ru/mirovyie-zapasyi-nefti/> (дата обращения: 08.12.2022).

добычи нефти и газа и доли женщин-депутатов в составе субнациональных ассамблей. По данным Росстата, женщины в составе депутатов законодательных (представительных) органов власти в региональном разрезе представлены неравномерно. Так, на 1 января 2014 г. максимальная доля женщин-депутатов была в Калужской области (35 %), а минимальная — в Дагестане и Чечне (по 2 %). Важно отметить, что среднеарифметическая доля по стране составляла 13 %¹.

Основной гипотезой настоящего исследования выступает тезис о том, что на уровень участия женщин в рабочей силе, так и на представительство женщин в региональных парламентах оказывает влияние добыча углеводородов. Утверждение М. Росса в нашем исследовании не получило подтверждение.

Дальнейшая часть статьи выглядит следующим образом. В первом разделе представлена аргументация и основные положения тезиса М. Росса. Второй раздел посвящен методам сбора и анализа данных, переменным и источникам информации. Результаты исследования и их обсуждение приводится в третьем разделе. Наконец, выводы по итогам работы изложены в четвертой части.

Теоретические рамки исследования

Многие исследователи полагают, что низкий социальный статус женщин на Ближнем Востоке и Северной Африке объясняется патриархальной культурой и религией (исламом) арабских государств. Альтернативный взгляд представлен тезисом «нефтяного патриархата», разработанным Майклом Россом, в котором утверждается, что арабские страны, обладающие большими запасами нефти и газа, напрямую ограничивают роль женщин в оплачиваемой рабочей силе и, таким образом, также (косвенно) ограничивают представительство женщин в парламенте [20]. М. Росс утверждает, что добыча нефти в указанном регионе наносит ущерб равенству между мужчинами и женщинами. Он предполагает, что структура экономики государств указанного региона, которая сильно зависит от нефтяных и газовых доходов, напрямую ответственна за неравенство в участии мужчин и женщин в оплачиваемой рабочей силе. Его аргументация основывается на нескольких положениях. Во-первых, гипотеза Росса о гендерном

«ресурсном проклятии» утверждает, что богатство природными ресурсами вызывает повышение курса национальной валюты, что, в свою очередь, подрывает экспортно-ориентированные производственные фирмы и отрасли (несвязанные с нефтедобычей), где работают, как правило, женщины. Гендерная теория «голландской болезни» получила развитие в другой его работе. Во-вторых, М. Росс утверждает, что доходы от нефти стимулируют трансфертные платежи домохозяйствам, что может предотвращать выход женщинам работать вне дома и тем самым задерживают или препятствуют способности женщин мобилизоваться для политических перемен. В-третьих, в нефтяной и газовой промышленности преобладают мужчины, в отличие от сектора услуг, где могут доминировать женщины. Наконец, более низкая доля женщин в рабочей силе, по его мнению, ограничивает возможности женщин баллотироваться на выборные должности [20]. По мнению М. Росса, участие женщин в рабочей силе:

- 1) помогает повысить уровень школьного образования и грамотности среди женщин: когда семьи знают, что девочки смогут зарабатывать сами и вносить свой вклад в доход семьи, они, как правило, больше вкладывают в их здоровье и образование.
- 2) связано с более низкими показателями рождаемости: когда женщины зарабатывают сами, у них появляется стимул откладывать начало материнства и, следовательно, рожать меньше детей в течение своей жизни.
- 3) способствует обмену информацией друг с другом, а также снижает барьеры для коллективных действий.
- 4) имеет тенденцию для усиления женского политического влияния. Когда женщины приходят на работу, они с большей вероятностью вступают в разговоры, что способствует заинтересованности в политике, присоединению к неформальным сетям, которые способствуют коллективным действиям и помогают им развивать гражданские навыки [4]. Другими словами, присоединение к оплачиваемой рабочей силе, считает исследователь, может повысить политическое влияние женщин тремя способами: 1) на индивидуальном уровне, влияя на политические взгляды и идентичность женщин; 2) на социальном уровне, увеличивая удельный вес женщин в составе рабочей силы; 3) на экономи-

¹ Мужчины и женщины России — 2020. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b20_50/Main.htm (дата обращения: 08.12.2022).

ческом уровне, повышая их экономическую значимость в обществе и, следовательно, заставляя правительство учитывать их интересы.

Таким образом, считается, что «ресурсное проклятие» косвенно укрепляет патриархальные устои. М. Росс теоретизирует, что нефтяная рента на душу населения должна играть прямую роль в формировании участия женщин в рабочей силе, что должно оказывать дополнительное косвенное влияние на представительство женщин в парламенте.

Исходя из теоретических соображений, можно сформулировать рабочие гипотезы настоящего исследования:

Гипотеза 1: Уровень участия женщин в рабочей силе меньше в более богатых нефтью и природным газом субъектах РФ.

Гипотеза 2: В более богатых углеводородами субъектах РФ женщин среди депутатов регионального парламента меньше.

Методы исследования, переменные и источники данных

Методом анализа данных в настоящем исследовании является регрессионный анализ. Он применяется с целью описания взаимосвязи между зависимой переменной и другим набором переменных, именуемых независимыми или объясняющими. Зависимая переменная операционализируется через два показателя: 1) переменная «Раб. сила» — уровень участия женщин (в %) в рабочей силе (модель 1); 2) переменная «Жен. парл» — доля женщин-депутатов в региональных парламентах (модель 2). Что касается независимой переменной, то ее надо измерить через либо доказанные запасы углеводородов на душу населения в субъектах РФ, либо доходы региональных бюджетов от экспорта нефти и газа. В силу невозможности наблюдать данную переменную напрямую в настоящей статье используется прокси-переменные (косвенные измерения). Предиктор операционализируется через 1) долю (в %) добычи полезных ископаемых в структуре валового регионального продукта (переменная «Природ. рес»); 2) производство кокса, нефтепродуктов, резиновых и пластмассовых изделий (в %) в структуре объема отгруженных товаров собственного производства (переменная «Произ. нефти»). Контрольными переменными выступают средняя начисленная заработная плата женщин (переменная «Зарп. жен»), отношение заработной платы женщин к заработной плате мужчин (переменная «Отн. зарпл»),

удельный вес женщин в общей численности работников (переменная «Числ. женщ»), ВВП на душу населения (переменная «ВРП»).

Основные статистические показатели по переменным представлены в таблице 1 (данные представляют собой среднеарифметические значения по всем регионам России¹).

Из табл. 1 видно, что доля женщин-депутатов в региональных парламентах составляет более 15 %, а также их неравномерное распределение между субъектами РФ. Например, в 2019 г. в Чечне и Магаданской области женщине в законодательных собраниях отсутствовали, а наибольшая доля была отмечена на Чукотке (более 46 %) и в Еврейской автономной области (42,1 %). Что касается уровня участия женщин в рабочей силе, то минимальный уровень приходится на Дагестан (57,4 %), а максимальный (86,1 %) — на Чукотский автономный округ. Все регионы можно разделить на две группы в зависимости от уровня наличия углеводородов (переменная «Природные ресурсы») — субъекты РФ, где есть соответствующие полезные ископаемые (30 регионов), и территории с их отсутствием (53 субъекта РФ).

В работе применялись панельные данные (сбалансированная панель). Это такой тип данных, который состоит из данных временных рядов для каждого отдельной единицы в поперечном разрезе. Информация по переменным бралась за два года — 2014 г. и 2019 г., что было обусловлено наличием необходимой информации. Исходя из этого, метод исследования — регрессионный анализ панельных данных (модель с фиксированными эффектами). Объектом в настоящем исследовании являются регионы РФ ($n = 85$). Из общей выборки были исключены два субъекта РФ (Севастополь и Республика Крым), т. к. данных за 2014 г. по ним нет. Общее число регионов в настоящем исследовании равно 83. Источником данных по переменным выступает Росстат². Анализ данных был произведен в прикладном пакете Gretl.

Результаты исследования и обсуждение

Целью данной части является представление статистического анализа собранных

¹ Не учтены Республика Крым и Севастополь.

² Мужчин и женщины России — 2020. — URL: https://gks.ru/bgd/regl/b20_50/Main.htm (дата обращения: 08.12.2022); Регионы России. Социально-экономические показатели — 2021 г. — URL: https://gks.ru/bgd/regl/b21_14p/Main.htm (дата обращения: 08.12.2022).ч

Таблица 1

Описательная статистика по переменным / Descriptive statistics of variables

Переменные	Среднее значение	Медиана	Стандартное отклонение	Минимум	Максимум
Раб. сила	77,32	78,20	5,029	57,40	86,10
Жен. парл	15,07	14,00	8,116	0,000	46,70
Природ. рес	10,99	0,000	18,95	0,000	83,20
Произ. нефти	17,30	6,900	21,85	0,000	94,60
Зарп. жен	27513	23952	11079	14785	68284
Отн. зарпл	74,18	73,15	6,880	61,30	96,90
Числ. женщ	54,82	55,05	5,557	30,00	67,00
ВРП	533 552,3	329 768,5	822 305,6	111 705	6 950 415

Источник: рассчитано автором в прикладном пакете Gretl на основе данных Росстата.

данных, а также их обсуждение. В табл. 2 показана оценка влияния углеводородов на уровень участия женщин в рабочей силе на региональном уровне (модель 1) и представленность женщин в субнациональных ассамблеях (модель 2).

Таблица 2

Результаты регрессионного анализа панельных данных с фиксированными эффектами (n — 83) / Results of regression analysis of panel data with fixed effects (n — 83)

Переменные	Модель 1	Модель 2
	Р-значение (Коэффициент)	
Природные ресурсы	0,3306 (-0,047)	0,2144 (-0,188)
Производство нефти	0,6940 (0,008)	0,8025 (-0,013)
Зарплата женская	0,00001*** (0,0003)	0,0102** (0,0008)
Относительная зарплата	0,8341 (-0,02)	0,8784 (0,024)
Численность женщин	0,3522 (-0,177)	0,6705 (0,162)
ВРП	0,0093*** (0,000)	0,5669 (-0,00001)
const	0,00001*** (0,000)	0,4722 (-15,138)
R-квадрат	0,260530	0,187108

* — значимость на уровне 0,1; ** — значимость на уровне 0,05; *** — значимость на уровне 0,01.
Источник: рассчитано автором в прикладном пакете Gretl.

Как видно из табл. 2, ни одна из независимых переменных по России в целом не является статистически значимой, т. к. р-значение больше 0,05. Другими словами, рабочие гипотезы, сформулированные в настоящем исследовании, не получили своего эмпи-

рического подтверждения. Таким образом, можно сказать, что тезис М. Росса о «нефтяном патриархате» и «гендерной голландской болезни» на статистических данных субъектов РФ не прошел эмпирическую проверку. Что касается контрольных переменных, то видно, что на представленность женщин в экономике и политике положительно влияет уровень зарплаты (на это указывает знак коэффициента корреляции переменной «Зарп. жен»). Другими словами, чем выше средняя зарплата женщин в субъектах РФ, тем выше уровень участия женщин в рабочей силе и доля женщин-депутатов в региональном парламенте. Так, увеличение зарплаты женщин на один процентный пункт (п.п.) приводит к росту участия в рабочей силе на 0,00001 п.п. и на 0,01 п.п. числа женщин в региональном депутатском корпусе. Кроме того, увеличение ВРП на душу населения на один п.п. ведет к повышению участия женщин в рабочей силе на 0,009 п.п. Остальные контрольные переменные не являются статистически значимыми.

Для дополнительной проверки представляется целесообразным также сравнить показатели, отражающие представленность женщин в региональных парламентах и их участие в рабочей силе, у двух типов регионов (табл. 3).

Как видно из представленной таблицы, в богатых полезными ископаемыми регионах доля женщин-депутатов в региональных парламентах и участия женщин в рабочей силе выше, чем остальных субъектах РФ. Важно отметить, что разница между двумя типами регионов незначительна и укладывается в рамки статистической погрешности. Это подтверждает основной вывод исследования.

Необходимо отметить, что основной результат в целом укладывается в рамки предыдущих исследований, авторы которых также получили отрицательные выводы [13;

Таблица 3

Результаты сравнительного анализа / Results of the comparative analysis

Субъект РФ	Представленность женщин (в %)		Участие женщин в рабочей силе (в %)	
	Среднее значение	Медиана	Среднее значение	Медиана
Нефтегазовые регионы	16,49	13,95	77	77,05
Остальные субъекты РФ	12,68	12	76,29	77,2

19]. В 2009 г. в одном из номеров журнала «Политика и гендер» (Politics & Gender) был опубликован ряд работ, посвященных критическому обсуждению гипотезы М. Росса. Так, П. Норрис считает, что Росс, который контролирует долю приверженцев ислама в каждом обществе, не учитывает важные различия между мусульманскими обществами в типе режима, уровнях человеческого развития и официальной роли религии в государстве, а также контрасты между суннитами и шиитами [20]. М. Чаррад, во-первых, приписывает подчиненное положение женщин в мусульманских странах Ближнего Востока взаимосвязи родства и политики, полагает, что ключевое различие между двумя странами можно проследить в различной политике в области семейного права и ее последствиях для женщин. Во-вторых, Ближний Восток — это фиктивная переменная, которая включает 17 государств Ближнего Востока и Северной Африки [11]. Т. Кэрзуэй критикует М. Росса за то, что он исключил из анализа те отрасли экономики, в которых занята значительная часть женщин, а также неформальный сектор экономики. Кроме того, Кэрзуэй отмечает, что женщины не работают в розничной торговле, потому что это влечет за собой контакты с мужчинами вне семьи, что противоречит социально-культурным устоям арабских государств [10].

В то же время несколько ученых подтвердили тезис о том, что богатство природными ресурсами подавляет экономическую и политическую власть женщин. Одним из последствий доминирования в экономике добычи нефти является то, что женщины выходят замуж раньше и рожают больше детей [16]. Дж. Симмонс утверждает, что, хотя культурные атрибуты действительно влияют на предложение женской рабочей силы, нефтяные богатства снижают спрос на женскую рабочую силу, нанося ущерб ориентированным на экспорт отраслям, в которых интенсивно используется женский труд [21]. Он прослеживает причинно-следственный механизм взаимосвязи значительных запасов и добычи природных ресурсов и представительности женщин в бизнесе и политике. Богатство ресурсами снижает

участие женщин в рабочей силе за счет увеличения доходов домохозяйств. В нефтегазовой сфере зарплата больше, чем средняя по стране. То же самое происходит и с заработной платой в секторах, обслуживающих добычу ресурсов (например, грузоперевозки, переработка и строительство). Другими словами, богатство ресурсов увеличивает доход семьи. Более высокие доходы мужа позволяют женщине не выходить на работу или уйти с работы и стать домохозяйкой. С другой стороны, работа вне дома наделяет женщин навыками, активами и доступом к важным социальным сетям, что, в свою очередь, повышает интерес женщин к политике и их знания о политике, их участие в политической жизни и даже вероятность того, что их примут на работу, чтобы баллотироваться на политические должности. Соответственно, когда богатство ресурсами снижает участие женщин в рабочей силе, это также, хотя и косвенно, снижает политическое влияние женщин [22].

Важно подчеркнуть причины опровержения гипотезы М. Росса. Представляется, что это обусловлено рядом факторов. Во-первых, отличием операционализации независимой переменной. У Росса это нефтяная рента на душу населения (общая рента страны от нефти и газа, деленная на ее население), которая рассчитывалась как стоимость годовой добычи нефти и природного газа в государстве минус затраты на добычу, включая стоимость капитала. Во-вторых, в настоящем исследовании анализ проводился не на национальном, а на субнациональном уровне. Это важно учитывать, т. к. региональные бюджеты не получают напрямую доходы от деятельности нефтегазовых компаний. Налог на добычу полезных ископаемых (НДПИ) и экспортные пошлины на нефть и нефтепродукты — это федеральные налоги. В таких условиях доходы субъектов РФ, на территории которых находятся крупнейшие месторождения углеводородов, при прочих равных обстоятельствах не особо выделяются. Так, среднее значение доходов бюджетов нефтегазовых регионов составляет 109,9 млрд руб. (медиана — 78 млрд), в то время как в «обычных» субъектах РФ — 162,4 млрд (медиана — 69,4).

Если сравнивать расходы бюджетов на душу населения, то в богатых полезными ископаемыми регионах среднее значение составляет 207,4 тыс. руб. (при медиане в 127,3 тыс.), а в остальных субъектах РФ — 88,3 тыс. руб. (медиана — 76,1)¹. Последний результат удивления не вызывает, т. к. нефтегазовые регионы (субъекты РФ богатые полезными ископаемыми в целом) являются менее населенными (средняя численность составляет 1,257 млн чел., тогда как в остальных регионах этот показатель равен 2 млн). В-третьих, наличием предвзятости к женщинам-кандидатам. Как показывают исследования, в российском обществе воспроизводятся традиционные представления о гендерных ролях мужчин и женщин [2]. В рамках таких гендерно-ролевых убеждений, мужчинам полагается реализовать свой потенциал в сфере государственного и политического управления, а женщинам — строить свою профессиональную карьеру и жизненную стратегию с учетом выполнения функций матери и «хранительницы семейного очага» [5, с. 8—9]. Исходя из таких представлений, по политтехнологическим соображениям партийное руководство при прочих равных условиях отдаст предпочтение кандидату-мужчине. На данный момент единственной женщиной-губернатором в России является Н. Комарова (ХМАО — Югра). За всю постсоветскую историю только шесть женщин было главами регионов — В. Броневич (Корякский автономный округ, 1996—2000 гг.), В. Матвиенко (Санкт-Петербург, 2003—2011 гг.), М. Ковтун (Мурманская область, 2012—2019 гг.), С. Орлова (Владимирская область, 2013—2018 гг.) и Н. Жданова (Забайкальский край, 2016—2018 гг.). Что касается спикеров парламентов субъектов РФ, то на данный момент только в девяти регионах женщины являются председателями законодательных органов. К этим территориям относятся Архангельская, Ивановская, Сахалинская, Свердловская и Томская области, Камчатский и Хабаровский края, Кабардино-Балкарская Республика, Чукотская автономная область.

Заключение

М. Росс заявил, что «ресурсное проклятие» играло важную роль в экономических и политических аспектах достижения гендерного равенства. Главный его тезис заключается в том, что в развивающихся странах Ближнего Востока и Северной Африки нефтяное богатство, как правило, не позволяет женщинам

участвовать в официальной рабочей силе и, следовательно, снижает их политическое влияние. Его аргументация основана на трех утверждениях: в странах с низким и средним уровнем дохода женщины обычно устраиваются на низкооплачиваемые фабрики, ориентированные на экспорт; сохранение этих рабочих мест может расширить возможности женщин в социальном и политическом плане; наличие в государстве значительных запасов нефти (или других полезных ископаемых) делает такие отрасли промышленности убыточными и, в более широком смысле, не поощряет женщин работать вне дома. В результате нефтяное богатство в странах с низким и средним уровнем дохода, как правило, закрывает важный путь к гендерному равенству. Эта аргументация, по мнению ученого, применима ко всем регионам развивающегося мира, а не только для государств Ближнего Востока и Северной Африки, где женщины добились меньшего прогресса в присоединении к рабочей силе и получении политического поста, чем в любом другом регионе. Цель настоящего исследования состояла, во-первых, в проверке гипотезы М. Росса на данных российской региональной статистики в целом; во-вторых, стремлении получить ответ на исследовательский вопрос: какое воздействие оказывают углеводороды на уровень представительства женщин в рабочей силе и депутатском корпусе legislatures субъектов РФ? Имеет ли место «гендерное нефтяное проклятие»? В результате проведенного исследования был сделан вывод о том, что в российских регионах как на уровень участия женщин в рабочей силе, так и на представительство женщин в региональных парламентах не оказывают влияние запасы и объем добычи углеводородов. Другими словами, тезис М. Росса не получил подтверждения. Настоящее исследование вносит вклад в академические дебаты, посвященные тематике взаимосвязи нефти и женщин. Результаты данной статьи могут улучшить понимание экономических, институциональных и культурных сил, препятствующих или ускоряющих расширение прав и возможностей женщин.

1. Гуриев, С. Экономика «ресурсного проклятия» / С. Гуриев, К. Сонин // Вопросы экономики. — 2008. — № 4. — С. 61—74².

² Настоящий материал (информация) (произведен, распространен и (или) направлен) иностранными агентами Гуриевым Сергеем Маратовичем и Сониным Константином Исааковичем либо касается деятельности иностранных агентов Гуриева Сергея

¹ Бюджеты субъектов в цифрах. URL: <https://bujet.ru/article/396309.php> (дата обращения: 08.12.2022).

2. Мухаметов, Р. С. Представительство женщин в руководстве российских политических партий: региональный аспект / Р.С. Мухаметов // *Женщина и государство. Историко-политические и социально-правовые измерения взаимоотношений (проблемный подход)*. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2022. — С. 54—68.

3. Полтерович, В. Механизмы «ресурсно-го проклятия» и экономическая политика / В. Полтерович, В. Попов, А. Тонис // *Вопросы экономики*. — 2007. — № 6. — С. 4—27.

4. Росс, М. Нефтяное проклятие. Как богатые запасы углеводородного сырья задают направление развития государств / М. Росс. — М. : Изд-во Института Гайдара, 2015. — 422 с.

5. Рябова, Т. Б. «...Слышу речь не мальчика, но мужа»: о гендерно-возрастных стереотипах в политике / Т. Б. Рябова, О. В. Рябов // *Женщина в российском обществе*. — 2020. — № 4. — С. 5—13. — DOI: 10.21064/WinRS.2020.4.1.

6. Хамфрис, М. Введение: в чем проблема природно-сырьевого богатства / М. Хамфрис, Дж. Сакс, Дж. Стиглиц // *Как избежать ресурсного проклятия*. — М., 2011. — С. 15—40.

7. Andersen, J. Oil and political survival / J. Andersen, S. Aslaksen // *Journal of Development Economics*. — 2013. — Vol. 100, no 1. — P. 89—106. — DOI: 10.1016/j.jdeveco.2012.08.008.

8. Aslaksen, S. Oil and democracy: more than a cross-country correlation? / S. Aslaksen // *Journal of Peace Research*. — 2010. — Vol. 47, no 4. — Pp. 421—431. — DOI:10.1177/0022343310368348.

9. Auty, R. *Sustaining development in the mineral economies: the resource curse thesis* / R. Auty. — London : Routledge, 1993. — 284 p.

10. Caraway, T. Comparative Political Economy, Gender, and Labor Markets / T. Caraway // *Politics & Gender*. — 2009. — Vol. 5, no 4. — Pp. 568—575. — DOI: 10.1017/S1743923X09990389.

11. Charrad, M. Kinship, Islam, or Oil: Culprits of Gender Inequality? / M. Charrad // *Politics & Gender*. — 2009. — Vol. 5, no 4. — Pp. 546—553.

12. Collier, P. On the economic causes of civil war / P. Collier, A. Hoeffler // *Oxford Economic Papers*. — 1998. — Vol. 50, no 4. — Pp. 563—573.

13. Groh, M. Oil, Islam, women, and geography: A comment on Ross / M. Groh, C. Rothschild // *Quarterly Journal of Political* Маратовича и Сони́на Константина Исааковича.

Science. — 2012. — Vol. 7, no 1. — Pp. 69—87. — DOI: 10.1561/100.00011036.

14. Liou, Y., Oil, Autocratic Survival, and the Gendered Resource Curse: When Inefficient Policy Is Politically Expedient / Y. Liou, P. Musgrave // *International Studies Quarterly*. — 2016. — Vol. 60, no 3. — Pp. 440—456. — DOI: 10.1093/isq/sqw021.

15. Kang, A. Studying Oil, Islam, and Women as if Political Institutions Mattered / A. Kang // *Politics and Gender*. — 2009. — Vol. 5, no 4. — Pp. 560—568. — DOI: 10.1017/S1743923X09990377.

16. Mavisakalyan, A. Oil and Women: A Re-examination / A. Mavisakalyan, Y. Tarverdi // *Energy Economics*. — 2019. — Vol. 82. — Pp. 191—200.

17. Norris, P. Mecca or oil? Why Arab states lag in gender equality / P. Norris // *Global cultural change*. — Oxford, UK : Oxford University Press, 2014. — Pp. 240—260.

18. Norris, P. Petroleum patriarchy? A response to Ross / P. Norris // *Politics & Gender*. — 2009. — Vol. 5, no 4. — Pp. 553—560. — DOI: 10.1017/S1743923X09990365.

19. Rørbæk, L. L. Islamic Culture, Oil, and Women's Rights Revisited / L. L. Rørbæk // *Politics and Religion*. — 2016. — Vol. 1, no 1. — Pp. 1—23. — DOI: 10.1017/S1755048315000814.

20. Ross, M. Oil, Islam, and Women / M. Ross // *American Political Science Review*. — 2008. — Vol. 102, no 1. — Pp. 107—123. — DOI: 10.1017/S0003055408080040.

21. Simmons, J. W. Does oil substitute for patriarchy? / J. W. Simmons // *Economics & Politics*. — 2019. — Vol. 31, no 3. — Pp. 293—322. — DOI: 10.1111/ecpo.12127.

22. Simmons, J. W. Resource Wealth and Women's Economic and Political Power in the U.S. States / J. W. Simmons // *Comparative Political Studies*. — 2015. — Vol. 49, no 1. — Pp. 115—152. — DOI: 10.1177/0010414015597510.

23. Wantchekon, L. Why do Resource Dependent Countries Have Authoritarian Governments? / L. Wantchekon // *Journal of African Development*. — 2002. — Vol. 5, no 2. — Pp. 145—176.

References

1. Guriev S., Sonin K. (2008) *Ekonomika «resursnogo proklatiia»* [Economics of the “resource curse”]. *Voprosy ekonomiki [Questions of Economics]*, no. 4, pp. 61—74 [in Rus]¹.

¹ Настоящий материал (информация) (произведен, распространен и (или) направлен) иностранными агентами Гуриевым Сергеем Маратовичем и Сониным Константином Исааковичем либо касается деятельности иностранных агентов Гуриева Сергея

2. Mukhametov R.S. (2022) Predstavitel'stvo zhenshchin v rukovodstve rossiiskikh politicheskikh partii: regional'nyi aspekt [Representation of women in the leadership of Russian political parties: a regional aspect]. Zhenshchina i gosudarstvo. Istoriko-politicheskie i sotsial'no-pravovye izmereniia vzaimootnoshenii (problemnyi podkhod) [Woman and the State. Historical-political and socio-legal dimensions of relationships (problem approach)]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, pp. 54—68. [in Rus].

3. Polterovich V., Popov V., Tonis A. (2007) Mekhanizmy «resursnogo proklatiia» i ekonomicheskaiia politika [Mechanisms of the “resource curse” and economic policy]. *Voprosy ekonomiki. [Questions of Economics]*, no. 6, pp. 4—27 [in Rus].

4. Ross M. (2015) Neftianoe proklatie. Kak bogatye zapasy uglevodorodnogo syr'ia zadaiut napravlenie razvitiia gosudarstv [The oil curse. How rich hydrocarbon reserves set the direction of the development of states]. Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gaidara, 422 p. [in Rus].

5. Riabova, T.B., Riabov, O.V. (2020) «... Slyshu rech' ne mal'chika, no muzha»: o genderno-vozrastnykh stereotipakh v politike [“... I hear the speech not of a boy, but of a husband”: about gender-age stereotypes in politics]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve [Woman in Russian society]*, no. 4, pp. 5—13. DOI: 10.21064/WinRS.2020.4.1 [in Rus].

6. Khamfris M., Saks Dzh., Stiglits Dzh. (2011) Vvedenie: v chem problema prirodno-syr'evogo bogatstva [Introduction: what is the problem of natural resource wealth]. Kak izbezhat' resursnogo proklatiia [How to avoid the resource curse]. Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gaidara, pp. 15—40 [in Rus].

7. Andersen J., Aslaksen S. (2013) Oil and political survival. *Journal of Development Economics*, 100 (1), pp. 89—106. DOI: 10.1016/j.jdeveco.2012.08.008 [in Eng].

8. Aslaksen S. (2010) Oil and democracy: more than a cross-country correlation? *Journal of Peace Research*, 47 (4), pp. 421—431. DOI:10.1177/0022343310368348 [in Eng].

9. Auty R. (1993) Sustaining development in the mineral economies: the resource curse thesis. London: Routledge, 284 p. [in Eng].

10. Caraway T. (2009) Comparative Political Economy, Gender, and Labor Markets. *Politics & Gender*, 5 (4), pp. 568—575. DOI: 10.1017/S1743923X09990389 [in Eng].

11. Charrad M. (2009) Kinship, Islam, or Oil: Culprits of Gender Inequality? *Politics & Gender*, 5 (4), pp. 546—553. DOI: 10.1017/S1743923X09990353 [in Eng].

12. Collier P., Hoeffler A. On the economic causes of civil war. *Oxford Economic Papers*, 50, (4), pp. 563—573 [in Eng].

13. Groh M., Rotchschild C. (2012) Oil, Islam, women, and geography: A comment on Ross. *Quarterly Journal of Political Science*, 7 (1), pp. 69—87. DOI: 10.1561/100.00011036 [in Eng].

14. Liou Y., Musgrave P. (2016) Oil, Autocratic Survival, and the Gendered Resource Curse: When Inefficient Policy Is Politically Expedient. *International Studies Quarterly*, 60 (3), pp. 440—456. DOI: 10.1093/isq/sqw021 [in Eng].

15. Kang A. (2009) Studying Oil, Islam, and Women as if Political Institutions Mattered. *Politics & Gender*, 5 (4), pp. 560—568. DOI: 10.1017/S1743923X09990377 [in Eng].

16. Mavisakalyan A., Tarverdi Y. (2019) Oil and Women: A Re-examination. *Energy Economics*, 82, pp. 191—200. DOI: 10.1016/j.eneco.2018.01.015 [in Eng].

17. Norris P. (2014) Mecca or oil? Why Arab states lag in gender equality. Global cultural change. Oxford, UK: Oxford University Press, pp. 240—260 [in Eng].

18. Norris P. (2009) Petroleum patriarchy? A response to Ross. *Politics & Gender*, 5 (4), pp. 553—560. DOI: 10.1017/S1743923X09990365 [in Eng].

19. Rørbæk L.L. (2016) Islamic Culture, Oil, and Women's Rights Revisited, *Politics and Religion*, 1 (1), pp. 1—23. DOI: 10.1017/S1755048315000814 [in Eng].

20. Ross M. (2008) Oil, Islam, and Women. *American Political Science Review*, 102 (1), pp. 107—123. DOI: 10.1017/S0003055408080040 [in Eng].

21. Simmons, J.W. (2019) Does oil substitute for patriarchy? *Economics & Politics*, 31 (3), pp. 293—322. DOI: 10.1111/epco.12127 [in Eng].

22. Simmons J.W. (2015) Resource Wealth and Women's Economic and Political Power in the U.S. States. *Comparative Political Studies*, 49 (1), pp. 115—152. DOI: 10.1177/0010414015597510 [in Eng].

23. Wantchekon L. (2002) Why do Resource Dependent Countries Have Authoritarian Governments? *Journal of African Development*, 5 (2), pp. 145—176 [in Eng].

Маратовича и Сони́на Константи́на Исааковича.

Статья поступила в редакцию 20.02.2023

For citing: Mukhametov, R. S. Assessing the impact of hydrocarbon production on the representation of women in the economy and in the parliaments of the constituent entities of the Russian Federation: testing M. Ross's hypothesis / R. S. Mukhametov // *Socium i vlast'* [Society and Power]. — 2023. — № 3 (97). — P. 30—39. — DOI 10.22394/1996-0522-2023-3-30-39. — EDN VHLNXF

UDC 328.182

EDN VHLNXF

DOI 10.22394/1996-0522-2023-3-30-39

ASSESSING THE IMPACT OF HYDROCARBON PRODUCTION ON THE REPRESENTATION OF WOMEN IN THE ECONOMY AND IN THE PARLIAMENTS OF THE CONSTITUENT ENTITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION: TESTING M. ROSS'S HYPOTHESIS

Ruslan S. Mukhametov,

Ural Federal University
named after the First President of Russia
B.N. Yeltsin,
Assistant Professor of the Department
of Political Sciences,
Cand. Sc. (Political Sciences),
Associate Professor.
Yekaterinburg, Russia.
ORCID: 0000-0002-5175-8300
E-mail: muhametov.ru@mail.ru

Abstract

Introduction. The scientific literature notes that in countries with significant revenues from oil and gas production, there is less economic growth. This paradox has been called the «resource curse». The abundance of hydrocarbons negatively affects the domestic political situation: it worsens the quality of public administration, preserves autocratic rule and corruption. The presence of such natural resources significantly increases the threat of armed conflict, civil war. M. Ross stated that the country's oil and gas wealth prevents women from participating in the official workforce and reduces

their political influence. His argument is based on three statements: in low- and middle-income countries, women usually get jobs in low-paid export-oriented factories; preserving these jobs can expand women's opportunities for self-realization in social and political terms; the presence of significant reserves of oil (or other minerals) in the state makes such traditional branches of industrial industry unprofitable and, more broadly, does not encourage women to work outside the home. As a result, hydrocarbon wealth in low- and middle-income countries tends to close an important path to gender equality.

The purpose of the work is to test M. Ross's hypothesis. The author seeks to get an answer to the following research question: what impact do hydrocarbons have on the level of representation of women in the labor force and the deputy corps of legislatures of the subjects of the Russian Federation? Is there a «gender resource curse»?

Methods. Regression analysis has become the method of data analysis. The source of information for panel data is Rosstat data.

Scientific novelty of the research. This study contributes to the academic debate on the factors of women's representation in politics and the economic sphere.

Results. The conducted research showed that M. Ross's thesis about the «oil patriarchy» and the «gender Dutch disease» on the statistical data of the subjects of the Russian Federation has not been empirically verified.

Conclusions. The author has outlined several explanations for this result. It is shown that this is due to the difference in the operationalization of the independent variable. Secondly, the analysis is carried out at the subnational level, when revenues from the activities of oil and gas companies go to the federal budget. Finally, there is an impact of socio-cultural factors.

Keywords:
gender,
women,
parliament,
«oil curse»,
hydrocarbons,
gender political science.